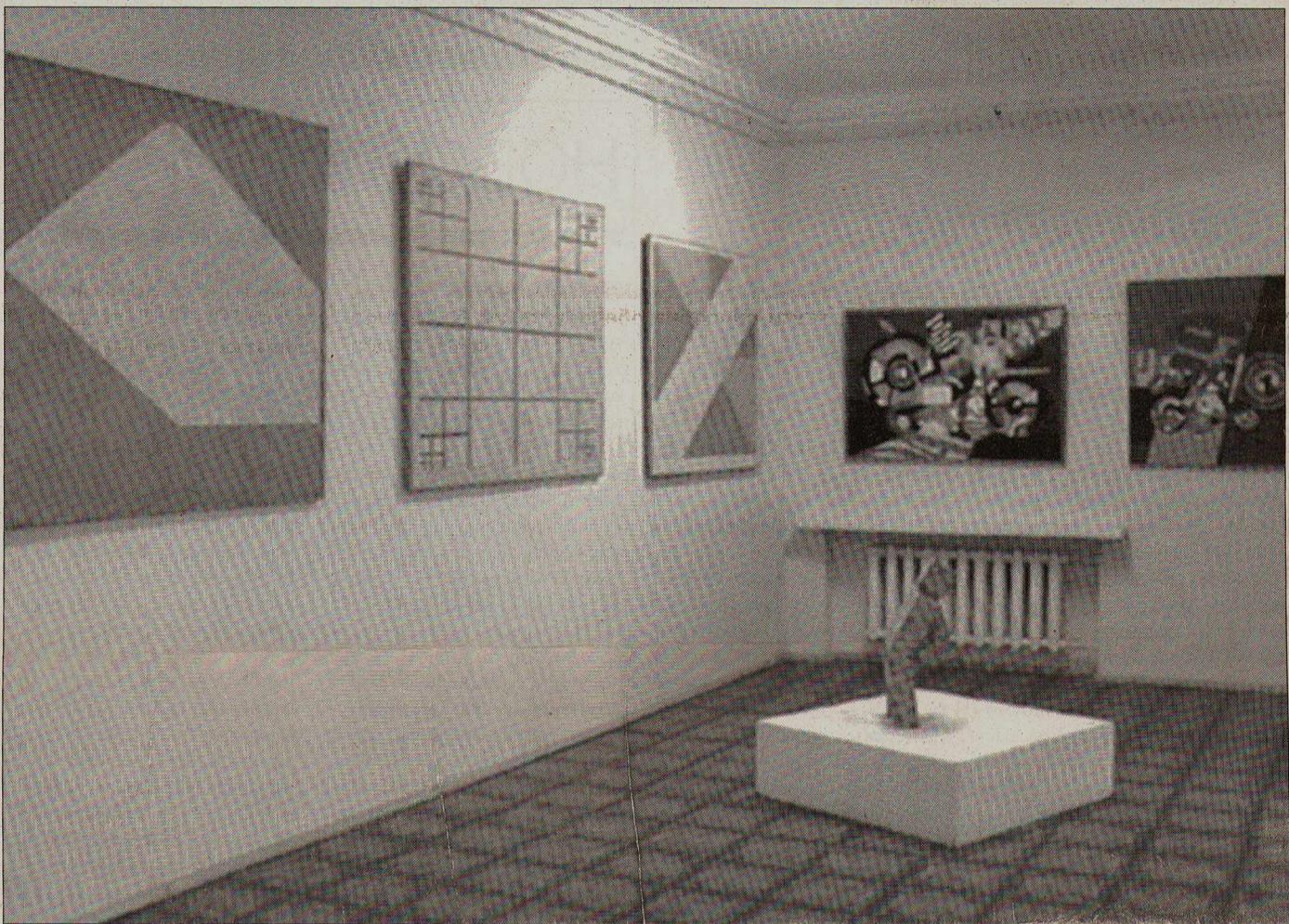

Памяти поколения

Ушли Леонид Талочкин, Эдуард Зеленин, Гарри Файф

За два года до смерти Леонид Талочкин сумел превратить свою коллекцию в полноценный музей.

Вадим Алексеев

Весна приносит все новые грустные вести в мартиролог 60-х. Уходят до обидного рано представители первого свободного поколения в несвободной стране.

«Второй русский авангард» нынче модно ругать – в советских традициях, обвиняя в подражании и заимствовании, или замалчивать – в лучшем случае. 60-е справедливо называют «временем художников» – мастерские нонконформистов были реальным центром жизни московской интеллигенции и ее окном в мир. Прекрасно описал эпоху Генрих Сапгир:

Я зрел Олимп! Сходили с чердаков Рухин, Немухин, Рабин, Валентина,

Лев Кропивницкий, Зверев и Целков, Соостер – все в душе неизгладимо!

Эрнст Неизвестный и Плавинский Дима, Каланин, Краснопевцев, Кулаков,

Шемякин – жрец слона и крокодила – а Харитонов, Яковлев каков!

Оригинальные художественные идеи выдвинули Эдуарда Зеленина в ряд неординарных живописцев. Его деятельность оказала влияние на целую плеяду художников, особенно представителей ленинградского андеграунда – Михаила Шемякина в том числе. Последние несколько лет жизни Зеленин вел замкнутый образ жизни, редко посещал вернисажи коллег, не участвовал в эми-

грантских склоках, но продолжал работать. Равнодушие к результатам его труда не могло не причинять боли чувствительному сердцу артиста, подтачивало и без того подорванное здоровье. До него доходили слухи о циркуляции на рынке его работ по униженно низким ценам, что вызывало в нем естественный протест. Он любил повторять: «Я – художник: не любитель, не профессионал, я – художник по призванию, без живописи не могу жить».

В отличие от Зеленина Гарри Файф – скульптор, архитектор, инженер, один из создателей русского кинетизма – стал одним из немногих русских художников, реализовавшихся на Западе. Во Франции Гарри Файф получил два архитектурных образования, учился у известных архитекторов – Рикардо Бофилла и Поля Шеметова, а потом десять лет работал ассистентом последнего. Открыв собственное архитектурное бюро, Файф построил более тридцати муниципальных домов в Париже и окрестностях, исходя из еще марксистского принципа – строить для людей. Он строил и другие социальные объекты – оформлял дороги шумозащитными сооружениями, создавая тем самым эстетическую среду вокруг них. Архитектурные объекты он реализовывал как скульптор – культура пространства была для него первоочередной, но и собственно скульптуру не бросал – участвовал в огромном количестве выставок от Японии до Америки. Все французские газеты

обошла фотография огромной перемещаемой скульптуры под названием «Мир», которую Гарри целый день возил вокруг Триумфальной арки в Париже, прицепив к собственному автомобилю. Путь в искусстве, разработанный Гарри Файфом, – синтез всех направлений, в которых он когда-либо работал, – конструктивизма, супрематизма, кинетизма и структурализма. Именно Гарри Файф показал Западу наследие классического русского авангарда в действии, став преемником Малевича, Татлина и Мельникова. О себе он говорил, что «продолжил традиции русского авангарда в условиях свободы».

Без Леонида Прохоровича Талочкина сложно представить себе московскую художественную жизнь последних сорока лет. Коллекционер, создатель музея второго русского авангарда, соучастник и единомышленник своего времени.

В юности Талочкин увлекся поэзией Серебряного века и стал завсегдатаем роскошных в ту пору московских букинистов. Его атмосферой был дивный мир «Золотого руна», «Аполлона» и «Весов». В то же время он начал ездить в Коктебель и, войдя в среду, сформировавшуюся вокруг Дома-музея Волошина, остался в ней навсегда. Как и у многих людей его поколения, первые импульсы к увлечению современным искусством дала выставка Пикассо в 1956-м, фестиваль молодежи в 1957-м и американская выставка в Сокольниках в 1959-м. Познакомившись с художниками Борисом Козло-

вым, Львом Нусбергом, Владимиром Вейсбергом, позже – с художниками Лианозовской группы, Талочкин бросил работу инженера-конструктора в котлотурбинном институте и устраивался поочередно то вахтером, то лифтером, то кочегаром в клубе типографии «Красный пролетарий», то сторожем в Доме композиторов. Жил он в деревянном доме, занимая одну комнату в коммуналке, доверху забитую картинами – они висели на стенах, на дверях, стояли на шкафу. Позже дом сгорел, но государство дало квартиру, присвоив коллекции статус «памятника культуры всесоюзного значения».

Музей «Другое искусство» был создан стараниями Талочкина два года назад при РГГУ. Коллекция Талочкина стала одной из крупнейших в стране и насчитывает около двух тысяч наименований живописи, графики, скульптуры и фотографии. Почти все в ней не куплено, а подарено друзьями-художниками. Незадолго до смерти он съездил в Париж, откуда привез много новых работ для своего музея. Однако Талочкин был не только собирателем, но и настоящим летописцем московской богемы 60–70-х. Он записывал абсолютно все, зная о художниках подчас больше, чем они сами. По мнению Владимира Немухина, «Талочкин видел в бытовых мелочах, происшествиях и курьезах, связанных с жизнью андеграунда, глубокую значимость, скрытую от повседневного сознания, и обладал вдохновенным упорством».

Независимая – 2002 – 15 мая – С 8